

Муниципальное учреждение
Централизованная библиотечная система им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Петр БУРМИН

**Мы в мир приходим
торопясь...**

Стихи, поэма

Составитель – Н.Н.Калашников

Новокузнецк
2010

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Б 91

Бурмин, Петр Сергеевич

Мы в мир приходим торопясь... : стихи, поэма / Бурмин Петр ; составитель и ответственный за выпуск – Калашников Н. Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя ; Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2010. – 40 с. : ил.

©Бурмин П. С., 2010

Бурмин П. «Автопортрет»

Коротко о себе

Родился я в 1933 году в Алтайском крае.

Два года спустя приехал в Новокузнецк (Сталинск), разумеется, вместе с родителями, которые завербовались на строительство Кузнецкого металлургического комбината.

Я тоже начинал свой трудовой стаж на КМК – сначала в электроремонтном цехе, затем в цехе ремонтно-строительных деталей.

На пенсию вышел из строительной фирмы, где работал художником-оформителем.

В шестидесятых годах в газете «Комсомолец Кузбасса» было опубликовано с десяток-другой моих стихотворений, приуроченных к полетам человека в космос.

К тому же времени относятся и мои первые опыты в фантастике.

Сибирский форпост

Наш город юн, как утро на рассвете,
как новобранец, что идет в строю,
хотя еще в шестнадцатом столетье
он начал биографию свою.

Заложен первый камень был в те годы,
когда Кузнецкий форт был возведен,
чтоб защитить российские народы
от азиатских кочевых племен.

К нему стекались люди отовсюду –
всяк, кто нуждался в творческом труде;
и город выростал, подобно чуду,
на антраците, стали и руде.

Новокузнецк в сороковые годы
броню несокрушимую варил,
чтоб защитить российские народы
от западных батыев и аттил.

Один из лучших сыновей России,
культурный и промышленный форпост,
в труде героев черпает он силы,
в грядущее прокладывая мост.

3.06.2000

Летая, то и дело перья
он нерасчетливо терял;
вниманья на свои потери
он до поры не обращал.

Когда-то зоркий и удалый,
слабел и слеп из года в год:
чем больше перьев выпадало,
тем ниже был его полет.

Ему усталость яму рыла,
толкал к земле его недуг:
чем небо недоступней было,
тем меньше видел он вокруг.

Однажды он, смиряясь с бедою,
преодолев земную твердь,
искал забытое гнездовье,
где он задумал умереть.

Но не добрался до порога,
где он когда-то родился:
увы, к подножию отрога
его швырнули небеса.

2

В те дни, когда был глуп и молод,
я тоже мнил себя орлом...
Жизнь била по лбу, словно молот,
рвала и гнула на излом.

Удары тяжкие приемля
как правила крутой игры
и меряя шагами землю,
не видел шрамов до поры.

Однако нес и я потери,
как тот, что птицей родился,
хотя меня отнюдь не перья,
а дух подьемлет в небеса.

Поздней глаза мои открылись,
явив мне роковой сюрприз:
есть срок и у духовных крыльев,
что тянут, уставая, вниз.

И я, повязанный с бедою,
в лазурь последний раз взлечу,
ища забытое гнездовье,
где вечным сном заснуть хочу.

Быть может, смилуются боги,
и я умру в своей берлоге,
подобно старому орлу,
не разбиваясь о скалу?

10.05.1994

Синдром воробья

Как ни суров порой сибирский климат,
Сибирь однако любит воробей;
свет для него на ней сошелся клином,
ее он не оставит, хоть убей.

Подобно многим перелетным птицам,
не улетит он осенью на юг;
меж тем рискует кроха превратиться
в кусочек льда, зимуя среди вьюг.

Напрасно манят Куба и Бикини
его дарами солнечных богатств:
он – молодой иль старый – на мякине
себя бесславно провести не даст.

Он не польстится Явой и Таити;
могучие таинственные нити
его удержат близ родимых мест...
Что есть Отчизна – благо или крест?

02.07.1994

Сон Раскольниковова

Прикорнул Родион под платанами,
утомясь от житейского зла;

видел сон: будто пьяных компанию
на телеге лошадка везла.

Через силу тащила повозку,
аж глаза вылезали на лоб;
ездоки, очумевшие в доску,
поднимать ее стали в галоп.

Мужики от хмельного и злобы
были красными, словно кумач;
они били лошадку оглоблей,
понуждая лошадку на скач.

Не жалея бедняжку нисколько,
били ломом ее по спине...
Не мою ли Россию Раскольников
видел в этом пророческом сне?

22.03.1995

Раб технологии

Человек!.. звучит гордо.
М.Горький

Человек, чье имя столь же гордо,
как при Горьком, нынче не звучит,
не защитник более Природы,
да и жизни собственной не щит.

Некогда, в минуты озарений,
он придумал принцип колеса –
началась эпоха восхождений
и, увы, падений полоса.

Наконец, вытягивая жилы,
он достиг технических вершин...
чтоб в болото плана и наживы
съехать тотчас... с помощью машин.

Из царей самим собой развенчан.
Пьет, как воду, углекислоту.
Дышит смогом. Братьев своих меньших
травит наплаву и налету.

Раб машины и ничтожный винтик,
детищем своим же полонен,
мечется, как крыса в лабиринте,
меж маховиков и шестерен.

21.10.1988

Старик

Жив человек, пока питает хлебом
свое потомство, продолжая род;
потом, как долго не коптил бы небо,
ему казаться будет, что живет.

Он не живет, а прозябает. Время
теперь иначе для него течет.
Отныне человеческое бремя
Он по привычке на плечах несет.

Измотан, обескровлен и недужен,
но все стремится, немощи на зло,
помочь он тем, кому давно не нужен,
кого, вскормив, поставил на крыло.

Подобен он забытому кумиру,
что в капище покинутом заперт...
И совершенно безразлично миру –
Чужим и близким – жив он или мертв.

02.05.1989

Инволюция

Сто тысяч лет прошествовать успели,
пока людей, суля им идеал,
вели нерукотворные ступени,
что Дарвин Эволюцией назвал.

Ступени поднимали нас все выше,
уж оставалось пик последний взять...
Но, убоясь грядущего величья,
мы малодушно повернули вспять.

Мы по наклонной двинулись удало,
сводя все достижения на нет:
до варваров, кретинов и вандалов
скатились за каких-то десять лет.

Заброшены науки и культуры;
но мы не остановимся на том:
наденем наших меньших братьев шкуры,
затем и сами шерстью обростем.

24.01.1997

Акселерат на распутье

Мне печали черти накачали,
потерял я аппетит совсем:
по весне гимназии кончаю.
Что мне делать дальше, быть мне кем?

Парень я, бесспорно, не дебильный,
хоть и толст, как годовалый бык,
потому как к трапезам обильным
я, обжора, издавна привык.

Ем один я за троих сестричек
и за пятерых бы мог умять...
К слову молвить, я своих привычек
не намерен в будущем менять.

Может быть, отдать себя на благо
русской сцены? Чем я не герой?
Я б побил рекорды по аншлагам
Смелой нестандартною игрой.

Я б играл любовников на сцене –
по душе мне это амплуа...
Но меня на сцене не оценят
и дадут мне роль Гаргантюа.

Как же имя мне свое прославить,
где оставить след своей стопы?

Почему бы церкви православной
мне не предложить себя в попы?

Стану проповедовать с амвона,
весь в парче – от головы до пят...
Попадья, прекрасная мадонна,
норожает кучу мне попят.

Силам ада я не нам проходу;
христианских заповедей глас
понесет по моему приходу
громкий мой иерихонский бас.

Но в служеньи благородном богу
есть, увы, существенный изъян:
я же отощаю, словно вобла,
с жалких приношений прихожан.

Посылать в министры не годится
вашего покорного слугу:
я свои большие ягодицы
в его кресло втиснуть не смогу.

Кресло президентское мне впору,
и хорош, изыскан его стол,
только я бы, ваш слуга покорный,
в президенты тоже не пошел.

Срок пройдет, и выбросят изгоем,
на прощанье не позвав к столу...
Нет уж, лучше я займусь торговлей
импортами. В лавке. На углу.

22.09.1995

Границы меж мирами зыбки

Звездный свет

От преодоленного пространства
выстыли небесные лучи:
как глаза покойника, бесстрастно
смотрят звезды на Землю в ночи.

Некогда светила излучили
сей бесплотный, анемичный свет,
что в безмерной мировой пучине
шел транзитом миллиарды лет.

То оставил след с неярким блеском
Взрыв Большой, что создал этот мир
далеко не за семь дней библейских,
а всего лишь... за единый миг.

26.06.1998

Чужой мир

Я с целым миром не в ладу,
где, что ни день, то переделки,
где словно не в своей тарелке
себе покоя не найду.

Куда, не знаю, дует ветер,
где приклонить свою главу:
как будто на чужой планете
чужою жизнью я живу.

Границы меж мирами зыбки,
дырявы, как голландский сыр –
должно быть, в детстве по ошибке
попал я в параллельный мир.

Мир, в коем люди, словно белки,
в колесах вертятся, не мой...
Я жду летающей тарелки,
что заберет меня домой.

10.08.1990

Явление бога

Быть может, нам исправить свой изъян,
с которым мы мирились слишком долго –
поверить разом в инопланетян,
а заодно – в существование бога.

Вполне возможно, некогда с небес
в места, где обитали фарисеи,
пришел корабль, напоминавший крест
архитектурой странною своею.

Из аппарата вышло существо,
которое представилось Иисусом
и стало, вероятнее всего,
учить землян наукам и искусствам.

Но, видимо, в учении Христа
узрели фарисеи катастрофу;
чтобы умолкли мудрые уста,
они его послали на Голгофу.

Звездопроходец из миров иных
убит, конечно, при распятии не был;
он спасся от мучителей своих
тем, что «вознесся» вовремя на небо.

27.08.1994

Откуда мы?

Луну увидев, с давних пор
собака с подвываньем лает;
не первобытный ли костер
наш спутник ей напоминает?

Костер, который пращур мой
палил, подбрасывая ветки,
и у которого зимой
сидели, греясь, ее предки?

Волнует и меня Луна,
плывя меж звезд по небосводу;
моя душа тоски полна.
Чем объяснить ее природу?

Глаза мои мокры от слез.
Кто скажет, почему я плачу?
Неужто прибыли со звезд
собачий предок и мой пращур?
15.09.1994

Инфернавты

На горе, что Лысой именуют,
раз в году, точней, под новый год,
сев на утварь с виду бы земную –
метлы, ступы, скалки – и иную,
собирался inferнальный сброд.

Ведьмы, упыри и вурдалаки –
все, кому опасен ясный день, –
заклучали меж собою браки,
обсуждали злобные атаки
на людей окрестных деревень.

Но, едва бледнели ночи тени,
нечисть улетала с той горы,
позабыв про козни и пиры,
от священных петушиных пений
и от стрел Перуна. До поры.

Силы зла смелее нынче стали –
даже днем ползут из темных ям:
петухов колдуньи ощипали,
наш Кумир языческий в опале
у не слишком набожных славян.
12.11.1996

Гудроновый мир

Лет через двести, может быть, поближе,
не то в предместьях будущей Москвы,
не то в Нью-Йорке, Риме иль Париже,
не зная ни деревьев, ни травы,

жить будет Аньчик или просто Аня;
на силовой кровати будет спать;
а утром механическая няня
ей будет в косы ленточки вплетать.
Не нужно будет Ане то и дело
за стол садиться ради живота:
проглотит три таблетки из хлореллы –
и суток трое-четверо сыта.
И трое суток ей по крайней мере
не нужно будет чашки-ложки мыть.
На Марсе, на Луне или Венере
свой школьный отпуск будет проводить.

Но случай, прямо скажем, невеселый,
произойдет с ней на родной Земле...
Однажды утром, поспешая в школу,
увидит щель в асфальтовой смоле...
Пройти захочет, не сбавляя шагу...
Но тут услышит – комаром звеня,
со дна миниатюрного оврага
к ней донесется:

– Не топчи меня!

Склонившись, с удивлением заметит
на дне овражка гномика она
в сияющем, как солнышко, берете;
его одежда ярко зелена.

– Ой, как ты мал!..

– Кому какое дело,

Что я не вышел ростом?

– Извини.

Тебя обидеть вовсе не хотела...

– Нет у меня ни ближних, ни родни,

Чтоб защитить...

– Но кто ты, сиротинка?

– Последний одуванчик. Мой народ

Давно исчез. – Алмазная росинка

из-под берета наземь упадет...

– Ты плачешь! Дай-ка пожалею, кроха!..

– Не тронь меня: я к ласкам не привык.

На том спасибо – хорошо ли, плохо –

все ж поняла забытый мой язык.

- Язык, что состоит из ароматов?
– Из них...
– Ты знаешь, в школу мне пора.
Я буду приходить к тебе, как к брату...
– Благодарю за доброту, сестра.
– Ты очень мил. Пока. Скучать не надо...

Едва шагов ее утихнет трель,
придет сюда ремонтная бригада,
заделает асфальтовую щель.

Вернется Аня, убежав с урока.
Но одуванчик не найдет она
и, будучи расправой жестокой
в сердечко самое поражена,
на свежую горячую заплату
она, дрожа всем телом, упадет
и на могилу названного брата
впервые слезы горькие прольет.
И это не пройдет для Ани даром...
Родители встревоженные тут
притихшую, пылающую жаром
девчущку поздно вечером найдут.
Кибернетические эскулапы
ее в сознание тотчас приведут;
и легкомысленные мама с папой
с понятным облегчением вздохнут.
– Не знаешь, что такое «одуванчик»? –
вдруг спросит мама. Папа ей в ответ:
– Ты все о том, что лепетала Аньчик...
Известно что – больной ребячий бред.

1980

Может, и венец я твой, Природа...

Старая дева

Зима, сварливая старуха,
лелея давнюю мечту,
велела выткать завирухам
гипюр из радужного пуха,
сшить подвенечную фату.

Поверх фаты Зима на плечи
надела белые меха
и села у холодной печи,
мечтая о желанной встрече,
что приведет ей жениха.

День минул, ночь пошла на убыль,
уже алеет небосвод...
Но немые свадебные трубы:
Зиму Буран сибирский любит,
да только замуж не берет.

26.01.1996

Волна и Утес

Что ни день, к Утесу губы
тянет синяя Волна:
непонятно, то ли любит,
то ли зла к нему полна.

Углубляются морщины
у гиганта на груди –
то ли зло тому причина,
то ли нежности следы...

Женщина иная с виду –
словно синяя Волна:
непонятно – ненавидит,
то ли любит вас она.

То ли любит, то ли мимо
пронеслась любовь в тиши –
это тайна для любимой
и для любящей души.
20.07.1994

Море

Я люблюсь твоей синей,
вечно плещущей волной...
Не зови – не стану силой
нынче мериться с тобой.

Ты сегодня вероломно:
видел я издалека,
как ломало волноломы,
словно замки из песка.

Говорю святую правду,
не дадут слукавить мне
разных кораблей армады,
что покоятся на дне.

Не полезу нынче в воду –
бросишь и меня ко дну,
если на твою свободу
я сегодня посягну.

Встану к парусу, но прежде
дай покой своей волне...
А пока тобой, мятежным,
полюбуюсь в стороне.
25.04.1996

Поруганное чудо

Может, и венец я твой, Природа...
но ни царь, ни бог я над тобой,
потому сильнее год от года
за тебя испытываю боль.

Боль, что мне досталась по наследству,
что своим потомкам передам:
пережил ее я еще в детстве,
лазая с корзинкой по горам.

Помню, первый год послевоенный
выдался богатый на грибы;
промышлял я их обыкновенно
вокруг скал, похожих на столбы.

Раз, набравши полное лукошко,
поднял я усталые глаза:
на скале, лишайником поросшей,
вдруг увидел дикого козла.

Хоть имел я опыт невеликий,
знал, однако ж, много о тебе.
Знал, что лицедейкой многоликой
ты играла роль в моей судьбе.

Позже докумекал: не играла,
а жила с рождения во мне;
рядом шла со мною за оралом,
мерзла в стужу, грелась по весне.

Понимал тебя не как идею –
ты была былинкой и сосной...
В образе чудесного виденья
ты в тот раз явилась предо мной.

До сих пор та встреча не забылась,
встреча, что взяла меня в полон.
Потрясенный, упивался былью,
столь похожей на прекрасный сон.

И того до смерти не забуду,
как раздался выстрел в тишине –
и козел, поруганное чудо,
тяжко рухнул под ноги ко мне.

С той поры мне в сердце бьет картечью
каждый выстрел, грянувший в лесу,

и к тем людям, что тебя увечат,
неприянь в душе своей несую.
23.09.1978

Голубая роза

Жил одиноко муж науки,
не зная брачного венца;
имел он золотые руки
и мощный череп мудреца.

Он издавна лелеял грезу –
всего себя ей отдавал –
и создал... голубую розу –
недостижимый идеал.

Две-три минуты восхищенно
смотрел удачливый ученый
на странный розовый бутон,
что перенял у неба тон.

Потом творец, удачи ловчий,
приблизил к детищу стопы
и тотчас... умер, уколовшись
о ядовитые шипы.

Пришли могильщики и чудо
втоптали ненароком в грязь...
Так роза голубая людям
Доселе в руки не далась.
11.04.1991

Элегия

В «лицо» я знаю яблони и вишни,
с крыжовником – и с тем накоротке;
но все равно в саду своем я лишний,
как проза в поэтической строке.

Я жить хотел бы как-нибудь иначе,
не прозябая в благодной тени...
На пустяки бессмысленные трачу
немногие оставшиеся дни.

С собою рядом я не вижу друга,
с которым поболтал бы от души.
Как от неизлечимого недуга,
страдаю в этой вишневой глуши.

Лишь столь же одинокая сорока
трещит свое, сорочье, в тишине,
да тени ближних, что ушли до срока,
приходят побеседовать ко мне.

От тяжести рубинов гнутся вишни,
цветы благоухают в честь мою...
Да, смиляясь, простит меня Всевышний,
что я скучаю у него в раю.

24.07.1999

Мы их встречаем ненароком

Такова жизнь

Милая, оставим наши ссоры...
Я уж стар и ты не молода:
наши годы – словно поезд скорый,
мчащийся транзитом в никуда.

Успокойся, не ругай дебилом,
хоть, возможно, тут ты и права;
ведь когда-то ты меня любила,
находила лучшие слова.

Посидим и отдохнем душою,
может, в первый и в последний раз:
уж, поди, разлучница с косою
держит путь к кому-нибудь из нас.

06.07.1996

О «слабой» половине

Одетые в гранитные хламиды,
открытые ветрам со всех сторон,
стоят и тут, и там кариатиды,
держа в руках то цоколь, то балкон.

Они могли бы стать кумиром культа,
чтоб свет нести туда, где нет ни зги;
ведь изваял их неизвестный скульптор
с земных богинь, хранящих очаги.

Род человеческий никогда не сгинет;
его минует даже Страшный суд,
поскольку наши милые богини
полмира на плечах своих несут.

31.01.1997

Роза-заноза

Девушка нежна, как роза;
подрулил я к ней стопы.
Роза с явною угрозой
показала мне шипы.

Не девчонка, а ехидна,
хоть и с виду хороша;
жаль, что издали не видно,
чем живет ее душа.

Я стою – на всякий случай –
в стороне, умерив прыть...
Как мне к девушке колючей
безопасней подступить?

Дайте мужества мне, боги...
И, ни мертвый, ни живой,
я бросаюсь к недотроге,
словно в омут головой.

05.02.1997

Сирень

Ты опять мне сирени
наломал у плетня.
Ты сирень не жалеешь,
пожалей хоть меня.

Что ж, кольцо золотое
мне на руку надень:
нет уж сил моих видеть,
как страдает сирень.

За немым тобою
я пойду по Руси,
только горечь сирени
ты ко мне не носи.

Коли замуж не можешь,
как умеешь возьми,

только болью сирени
ты меня не казни.
11.03.1980

Половинки

Мы в мир приходим торопясь
и потому – в полчеловека.
Свою вторую ипостась
мы ищем чуть ли не полвека.

Нас ищут женщины; они
тем же подвержены порокам.
И вот, как было искони,
мы их встречаем ненароком.

Рисуем женщине своей
совместных радостей картину,
любя эгоистично в ней
свою другую половину.

Нам, словно рай или эдем,
слиянье дарит миг блаженства,
но, как и прежде, между тем
мы далеки от совершенства.
26.08.1994

Любим – не любим

Однажды с помощью ромашки
нам тесты предложила ты...
– Нет, тут не может быть промашки:
не любишь... – словно по бумажке
читала, беребя цветы.

Смотрел я, действием заморожен,
глазами, полными тоски:
и ты, что благ мне всех дороже,
увы, любить меня не можешь –
соврать не могут лепестки.

Итак, не любим мы отныне...
Зато минует нас беда:
не обмелеет, не остынет
любовь, которой нет в помине
и не бывало никогда.

Я не любя тебя целую,
ласкаю, без тебя тоскую,
горжусь порою за себя,
что я красавицу такую
любимой сделал, не любя.

Напрасны клятвы и обеты –
любовь покинула меня...
Теперь в народные приметы,
равно как в мудрые советы,
и верю, и не верю я.

23.10.1995

Все отдал гений своему творенью

Писатель-фантаст

Знать он хочет обо всем понемногу;
трудится он чаще за двоих –
создает миры, подобно богу,
а затем описывает их.

Мир за миром, как за древом древо,
он растит из семени добра:
в каждом прародительницу Еву
лепит он из своего ребра.

В мелком и великом сей писатель
верен правде, правилам игры...
А вослед за ним идет читатель,
обживая новые миры.

29.12.1996

Истоки моей фантастики

Нам одежки матери латали,
порою в школу натошак мы шли...
Но мы мечтали – как тогда мечтали! –
о путешествиях вокруг Земли.

Наш славный мир отнюдь не без изъянов –
но мы о них не ведали в те дни.
Все люди представлялись нам друзьями,
в каких широтах не жили б они.

Нам хоть разок взглянуть хотелось в лица
иностранцам сверстникам своим;
но запертая наглухо граница
нас отпустить не пожелала к ним.

Навек простившись с детскими мечтами
о путешествиях вокруг Земли,

одни еще беднее в жизни стали,
другие смысл в стяжательстве нашли.

Со мною не стряслось ни то, ни это:
наткнувшись на кордоновский запор,
мечта моя сыграла рикошетом
и унеслась в космический простор.

Я за мечтой, конечно, увязался...
Меж звезд блуждаю с давней той поры
и обживаю с гордостью хозяйской
я созданные мною же миры.

23.04.1989

Сны

Я сплю и ночь за ночью вижу
один и тот же сон во сне –
том незнакомых странных виршей,
меж тем принадлежащих мне.

Мне чувство горестной потери,
неизвиняемой вины
и ощущение суеверья
приносят утром эти сны.

Потом сомнениям колючим
я предаюсь, впадая в шок.
Неужто совесть мою мучат
стихи, что в юности я сжег?

Иль за излишнее паренье –
меня порой заносит в высь –
корят меня стихотворенья,
что мне, увы, не удались?

Быть может, под покровом ночи,
спеша предвосхитить зарю,
ко мне являются те строчки,
что поутру я сотворю?

01.08.1994

Моя муза

Она и леди, и простушка.
Порою с видом мудреца
способна мне шепнуть на ушко
два-три преглупеньких словца.

Она и чудо, и не чудо.
Хотя Перун родитель ей,
однако ей отнюдь не чуждо
все, что касается страстей.

Терпеть богов она не может
за олимпийский их покой;
те, в свой черед, конечно, тоже
махнули на нее рукой.

Во сне, как смертные, летает
и пьет дешевое вино,
хоть во дворце не обитает,
но и не падает на дно.

Она полна всего помногу.
И есть в ней дивные черты,
отнюдь не свойственные богу,
да и в себе не сыщешь ты.

Руби ей голову, на шее
вяжи хоть вервие узлом,
но не пойдет на соглашенье
она с насилием и злом.

14.08.1994

Стихи о стихах

Стихи, в которых приглушенным светом
чуть теплится неистовый заряд,
обращены к непишущим поэтам,
что заново, читая их, творят.

Мне выпренных баллад они дороже,
куда б ни шел, с собою их беру;

они с бутоном нерасцветшим схожи
и с дремлющим младенцем поутру.

Они загадкой дивной, словно руны,
вознаградят читателей своих...
Так немы Страдивариевы струны,
Пока маэстро не коснется их.

30.08.1995

Пушкину

Ты нынче незаслуженно в опале,
тебе геенной огненной грозят:
твои стихи гражданские упали
в глазах у тех, что тянут Русь назад.

Враги Свободы, Равенства и Братства
сегодня отвернулись от тебя;
ты, дескать, спровоцировал Семнадцатый,
святую эту троицу любя.

Они тебя третируют из мести:
из-за тебя, мол, в «проклятый» тот год
дворцы, заводы, банки и поместья
у предков их отнял простой народ.

Опять у них в руках богатства эти
и то, что не принадлежало им...
Но никому и ни за что на свете
тебя, пророк наш, мы не отдадим!

24.12.1998

Картина Неизвестного художника

Мы ходим по картинным галереям,
как будто по неведомым мирам.
Чужие Нравы и чужое Время
мы видим в окнах золоченых рам.

Чужие. Но не чуждые. Напротив.
Все тут уму и чувствам говорит.
Близки нам Санти и Буонаротти.
Почти родные Гойя и Давид.

Вот неизвестный школы Рафаэля –
счастливая, с улыбкой на устах
Мадонна-мать; по-детски неумело
она младенца держит на руках.

В пастельных, легких, золотисто-бурых
тонах написан мастером портрет:
людей, служивших для него натурой,
уже давным-давно на свете нет.

А между тем изящества и чувства
полна Мадонна, личность уж видна
в мальце грудном; условностью искусства
вторая жизнь им, избранным, дана.

Все отдал гений своему творенью,
сумел он искру божью в нем зажечь.
Но собственное имя от забвенья,
увы, забыл художник уберечь.

12.10.1988

Глас вопиющего в пустыне

Выращиваю, как растенья, –
лист за листом – свои стихи;
затем я их читаю стенам,
что ко всему, увы, глухи.

Назавтра по привычке снова
я строки новые прочту:
опять мое живое слово
бесследно канет в пустоту.

Стать муза не сумела сводней
между читателем и мной:
вот почему веду сегодня
я монолог с самим собой.

27.02.1996

Сверчок, знай свой шесток

Любил он свой медвежий угол,
рубал в забое жирный уголь;
мудря, как некий Соломон,
в часы короткого досуга
писал стихи, забыв про сон.

Писал серьезно, значит, трудно.
Когда же настрочил полпуда,
поднял он от стола главу,
сел на пегаса, веря в чудо,
и отбыл тотчас на Москву.

Итак, он прибыл в город стольный,
нашел конюшого у стойла;
тот говорит ему:

– Поэт,

Пегаса гнать сюда не стоило –
У нас в конюшне места нет.

Ты, может быть, летаешь выше
тех, кто в Москве кропает вирши...
Вернись в забой, пока не бит.
Мы без тебя стихи напишем,
ты знай, рубай свой антрацит.

14.09.1998

Совет

Ты в общем неплохой поэт,
с властями ладишь ты неплохо,
поешь, о чем велит эпоха;
но к славе зарастает след
не лавром, а чертополохом.

Итак, ты хочешь преуспеть,
не хуже, чем Сирена, петь –
тогда лови, расставив сеть,
судьбу, что станет твоей музой,
помощницей, а не обузой.

Чтоб строки не были мертвы,
чтоб в каждой сердце застучало,
внеси в них женское начало –
и ты добьешься у молвы
того, о чем она молчала.

Не состоялся б Рафаэль,
когда б не встретил Форнарину...
А может, предпочтешь Арину,
что Саше сказки говорила,
его качая колыбель?

25.07.2001

Сага о немом скальде

1

В селении, лежащем между скал,
на берегу Холодного залива
жил мудрый, позабытый ныне скальд,
которого прозвали Молчаливым.
Неподалеку высился дольмен:
в нем ритуал язычники справляли.
А чаще – иноземцев, взятых в плен,
путем сожженья в небо отправляли.
Скальд хмурился, туманил думой взор,
мечтая о всеобщем милосердии,
когда норманны, поднявшись на кнорр,
шли мыслями недобрыми к соседям.
Поэт был нем, камням родным под стать,
и глух, как бог к мольбам его собратьев:
он дал себе обет – не воспевать
деяния, достойные проклятья.

2

Шло время; люди мерили его
затишьем от прилива до отлива.
Казалось, не менялось ничего
на берегу Холодного залива.
Молчал певец, как прежде. Как всегда,
волнам на встречу выходили кнорры.
Но возвращались легкие суда
все чаще... не с победой, а с позором.
Успех покинул баловней своих:
норманнов били русичи и галлы.

Валькирии теперь уж их самих
сопровождали к воротам Валгаллы.
Разбой, творимый у чужих ворот,
пришел бедою к собственным жилищам.
и за медяк, отнятый у сирот,
платили ныне золотом наличным.
Селяне, потерявшие отца,
утратившие брата или сына,
роптали, злобно глядя на певца:
его молчанье, мол, во всем повинно...
Они шипели:

– Вызван божий гнев
тем, что курили Одину мы скупю.
Пускай Молчун на медленном огне
все наши прегрешения искупит.

3

Дым зачадил, недолго заслонив
от лунного и солнечного света
фиорды, скалы, небо и залив,
что были скальдом некогда воспеты;
тогда в кровавом пламени костра
горели книги, авторы их тоже...

И ныне то, что делалось вчера,
на эти злодеяния похоже...
Российских скальдов, как гласит молва,
не лаврами почетными венчали
за мудрые, правдивые слова,
а кляпами позорными молчанья.
Есенин и другие с ним ушли
наверняка не от хорошей жизни;
их забросали комьями земли
и позабыли, помянув на тризне.
Никто не знает, сколько до сих пор
иезуитов шастает по свету,
всегда готовых запалить костер,
чтоб рот заткнуть строптивому поэту.
Зло не избыто. Ныне, как и встарь,
живя среди технических диковин,
приносит злоба Совесть на алтарь.
Когда же кончится средневековье?!

2.12.1989

Софья – крылатая русалка

1

Как-то у русалки Софьи
современный Мефистофель
выкрал милого дружка,
ротозея-рыбака.
«Следуй моему совету, –
пишет бес по Интернету
(слово каждое в строке –
как в плохом боевике):
не болтай властям о сделке.
Выкуп твой – отнюдь не деньги, –
добавляет мрачный дух, –
ты должна мне сорок душ.
Чтобы править вашим миром,
всеми душами века,
мне, великому сатиру,
не хватает – сорока.
Обращался я в Минатом
и к кровавых дел фанатам:
души там – святым сродни.
Мне же грешные нужны.
Своей преданностью другу
загнала себя ты в угол...
Сделай то, о чем прошу, –
я должок с тебя спишу.
Хватит в диких плясках, пеньях
предаваться праздной лени:
ты не думский депутат,
не разбойник, не пират,
чтобы есть хлеба чужие,
не вытягивая жилы.
Марш с мотыгой на юдоль,
что зовется полем скорби –
взрыхлив поперек и вдоль,
влезь в крестьянские оглобли,
сей ячмень – венец труду,
злак взрастишь, вари бурду:
всякий, неугодный богу,
проторит к тебе дорогу;

ты тяни его ко дну –
я дружка тебе верну.
Коль начнешь плести интриги,
от меня получишь фиги
вместо милого дружка.
Действуй. И живи пока...
Все. В постскриптуме замечу:
не ищи со мною встречу
ради блага своего
и успеха моего.
Я по-своему прекрасен,
но, к несчастью, опасен
я и в профиль, и в анфас
для твоих красивых глаз;
я настолько необычен –
станешь верною добычей
ты гееннского огня,
если глянешь на меня
Хоть не монстр и не калека –
с точки зренья человека
страшен я как смертный грех,
как соперника успех».

2

Дол с недоброю молвой
сплошь зарос плакун-травой
и чертополохом колким,
чьи колючие иголки
причинить способны боль.
Славится еще юдоль
ядовитой атмосферой,
«сдобренной» дымящей серой:
дышит ею адский сброд –
вреден бесам кислород.
За завесой плотной смога
в небесах не видно Бога;
Бог не видит, в свой черед,
кто ему чем воздаст.
Значит, здесь, где гибнут мухи,
обитают злые духи;
надо Софье их найти
и под корень извести.

3

Беднякам внушает демон
в казино поправить дело –
в Пандемониум идут
и последнее несут:
там, в чаду горячей серы,
им не светятся химеры –
с деньгами идут в чертог,
а выходят без порток.
В этом доме, знает Софья,
обитает Мефистофель;
в нем, чертоге сатаны,
друг томится без вины.

4

Софья, полная отваги,
мысль о выкупе и браге
прогнала, подумав, прочь
и решается помочь
другу своему иначе,
ибо дьявольской задачи
не хотела быть рабой,
будучи сама собой –
чародейкою матерой,
всех обиженных опорой.

5

В берегах петляет Томь,
словно сказочный питон;
на волне ее не валкой
появляется русалка
в свете утренней Луны,
вынырнув из глубины.
Миновала узкий ерик,
вышла на песчаный берег,
тотчас взмыла в небеса,
обратившись птицей дивной,
полетела над долиной,
создавая чудеса:
там, где не было издревле,
поднимаются деревья,
ярким цветом налиты,
распускаются цветы.

Впереди редуют тени –
то цветущие растения,
источая аромат,
прогоняют бесов в ад.

6

Чтоб ускорить перемены,
нужно было непременно,
отступив от естества,
место дать для волшебства –
помогли русалке Боги;
в прах развеяны чертоги,
нечисть где гнездо свила.
Действом Софьины крыла,
словом мудрым, добрым делом
изгнан был зловещий демон
с человеческих земель,
где внедриться он сумел.

7

Обитатели юдоли
о своей несчастной доле
позабыли: там и тут
окружает их уют.
У людей светлеют лица;
и, похоже, каждый рад
от души повеселиться,
глядя на цветущий сад.
Сад чудесный, как виденье,
созданный в одно мгновенье.
Взвился радугой-дугой
мост над чистою водой.
Близ дубов, склонивших ветки,
отдохнуть зовут беседки.
По веленью добрых фей
ублажает слух Орфей.
– Слава, Боже Всемогущий,
что создал земные кущи, –
люди ликуют, – из земель,
бывших тартаром досель!..

8

– Слава воздается часто
не тому, кто к ней причастен, –

появляясь, начал так
незадачливый рыбак. –
Всякий скажет, покумекав:
не по силам человеку
столь великие дела,
что ты на себя взяла...
– Это волшебства заслуга, –
прервала русалка друга. –
И, пожалуйста, елей
ты мне на сердце не лей,
хоть и стою этой чести,
отобрав тебя у бестий, –
ведь, держась за мой подол,
вновь свободу ты обрел...
– Да, соперничала с Богом,
взявши на себя так много,
потому что за юдоль
я испытывала боль...
Мной повержен Мефистофель, –
помолчав, сказала Софья. –
Но грозит тебе полон
худший, чем устроил он:
от сестриц моих удалых
и красоток небывалых
не спасут ни ум, ни кнут –
кого хочешь умыкнут.
Возразил он:
– Бесом мечен,
стал я более хитер
и сумею уберечься
от крутых твоих сестер.
– Ты по-прежнему наивен,
словно колосок на ниве...
От любви спасенья нет,
Софья молвила в ответ. –
Не избежешь до могилы
ты ее вериг и пут,
даже если в твоих жилах
воды Арктики текут.

7.07.2004

ОГЛАВЛЕНИЕ

Сибирский форпост	4
Есть срок и у духовных крыльев	5
Память крови.....	5
Орел.....	5
Синдром воробья.....	7
Сон Раскольникова.....	7
Раб технологии.....	8
Старик.....	9
Инволюция.....	9
Акселерат на распутье.....	10
Границы меж мирами зыбки	12
Звездный свет.....	12
Чужой мир.....	12
Явление бога.....	13
Откуда мы?.....	13
Инфернавы.....	14
Гудроновый мир.....	14
Может, и венец я твой, Природа...	17
Старая дева.....	17
Волна и Утес.....	17
Море.....	18
Поруганное чудо.....	18
Голубая роза.....	20
Элегия.....	20
Мы их встречаем ненароком	22
Такова жизнь.....	22
О «слабой» половине.....	22
Роза-заноза.....	23
Сирень.....	23
Половинки.....	24
Любим – не любим.....	24
Все отдал гений своему творенью	26
Писатель-фантаст.....	26
Истоки моей фантастики.....	26
Сны.....	27
Моя муза.....	28
Стихи о стихах.....	28
Пушкину.....	29
Картина Неизвестного художника.....	29
Глас вопиющего в пустыне.....	30
Сверчок, знай свой шесток.....	31
Совет.....	31
Сага о немом скальде.....	32
Софья – крылатая русалка	34

Тираж 50 экз.